

мулу следовало бы представить в обратном порядке, т. е. мир, как наполненный благом, наполнен богом).

Зла в мире нет. Бывает оскудение блага, и это воспринимается нами как зло. Наполненный благом мир тем самым наполнен любовью и красотой. Так ведет нить своей философии Псевдо-Дионисий. Его вывод: мир прекрасен во всем, что ни есть в мире.

«Так же, — читаем у Псевдо-Дионисия, — как перебирая руками светлую цепь, идущую от верха небес и спускающуюся в наш мир, кажется нам, что мы ее низвлекаем, а на самом деле не ее, находящуюся между горним и дольным низвлекаем, а сами возводимся к высочайшему, полному сияния и блеска лучу. . . (так) прежде всего надо творить молитву, предпочтя ее богословию, не (чтобы этим) привлечь сущую везде и нигде силу, но себя ей вручить и соединиться (с нею) призыванием и памятованием божественного».³⁶ Человек Псевдо-Дионисия обладал великими духовными силами, способными возвести его к такому пределу совершенства, где он соединялся с богом. Светлой цепью, протянутой от божественного к мирскому и возводящей мирское к божественному, была любовь. Ее составляли пять нижущихся друг за другом звеньев. Но обратимся к Псевдо-Дионисию: «Любовь — божественную ли, либо ангельскую, либо духовную, либо животную, либо природную, назовем некоей соединительной и охватывающей силой, подвижущей высоких на заботу о меньших, равночинных, в свою очередь, к сообщению друг с другом и обращающую низших и меньших к лучшим и превышающим».³⁷ Любовь естественная, как разъясняют Псевдо-Дионисий и его комментатор Максим Исповедник, это — стремление неодушевленной природы, направленное к сохранению своего бытия. Так камень сопротивляется удару молота, выявляя таким способом стремление существовать. Это стремление, как бы выступая из самого себя, касается животной любви, «чувственного любления без ума». Чувственная любовь в своем высшем развитии достигает сознательной, подлинно человеческой любви. Последняя, одухотворяясь, достигает той степени совершенства, на которой она из разумной становится духовной, ангельской. Наконец, ангельская чисто духовная любовь сопредельна с божественной. Так протягивается между божественным и мирским единая цепь любви, состоящая из пяти звеньев.

В этом своем учении Псевдо-Дионисий не был оригинален, по крайней мере в основной идее его. Учение о божественном Эросе принадлежит, как хорошо известно, Платону, который пытался цепью любви и красоты связать его же философией разорванные миры идеального и чувственно-эмпирического. Особенностью учения Псевдо-Дионисия является то, что он пытался спасти божественный Эрос Платона от угрожавшего ему и по бедно развивавшегося христианства. Псевдо-Дионисий пытался внести в христианство это платоническое учение и сделал глашатаем божественного Эроса самого апостола Павла: «Множеству (людей) непонятно наиме-

³⁶ «... якоже аще многосветлой узе от небесного края повешенной до-зде же сходящей и присно тоя напред руками поеманием дръжащесе низвлеци убо ту мнимся. Истинная же не сводим ону горе же и доле посред (слово «посред» на полях, — А. К.) бываемую, но сами мы възводимся к высочайшим многосветомных луч зарем . . сего ради и прежде всего и паче же богословия молитву начинати должно ес, не яко при-влачашним яже везде сущая и нигде же силу, но якоже божественными памяти и призываним нас самех вручащся и съединеаще» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 122 об.).

³⁷ «Рачительство, любо божественное, любо аггельское, любо разумное, любо душевное, любо естествоное, речем, съединительная нека и съдержательная да разумеем силу, яже убо высокаа подвижууя на промысл менших, въкупочиннаа же паки в причастное друг друга имательство и при последних (на полях «меншаа к лучших», — А. К.) и превышележащих обращению» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 151 об.).